

ИСТОРИЯ ГОРОДА И ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ

УДК 94(47).066
ББК 63.3(2)513

Дата поступления статьи 16.11.2020
Дата решения о публикации 18.11.2020

КУЛЬТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И КУЛЬТУРНЫЙ СТАТУС МОСКВЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.: ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ, ПЕЧАТНОЕ СЛОВО И ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

А. В. Белов

*Институт российской истории Российской академии наук
(г. Москва, Россия)*

Аннотация. В статье дается анализ процесса и результат политики культурного строительства, проводимого в Москве во второй половине XVIII столетия. Особое внимание уделяется влиянию на данный процесс статуса второй столицы, официально присвоенной Москве. Это не только заметно способствовало, но даже предопределило как цели, так и результат преобразований. В частности, стало основанием для возникновения в городе таких «столичных» институтов как собственный театр и собственный университет.

Ключевые слова: город, столица, Екатерина II, журнал, театр, университет.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00047.

UDC 94(47).066
LBC 63.3(2)513

Date of receipt of article 16.11.2020
Date of publication decision 18.11.2020

CULTURAL CONSTRUCTION AND CULTURAL STATUS OF MOSCOW IN THE SECOND HALF OF THE 18th CENTURY: HIGHER EDUCATION, PRINTED WORD AND THEATER LIFE

A. V. Belov

*Institute of Russian History Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

Abstract. The article analyzes the process and result of the policy of cultural construction carried out in Moscow in the second half of the 18th century. The paper pays particular attention to the impact on this process of the status of the second capital, officially assigned to Moscow. This not only significantly contributed to, but even predetermined both the goals and the result of the changes. In particular, it became the basis for the emergence of such "capital" institutions in the city as its own theater and its own University.

Keywords: city, capital, Catherine II, magazine, theater, University.

The reported study was funded by RFBR, project number 18-09-00047.

Важнейшая часть культурной роли Москвы заключалась в том, что она являлась местом возникновения и функционирования одного из двух университетов

империи. Давно признано, что университетские города представляют собой совершенно особую категорию по степени влияния на страну и общество, поэтому в урбанистике эти поселения выделены в особую категорию [2, с. 163–166].

Московский университет, открытый в 1755 г., уже во второй половине XVIII в. играл бóльшую роль как образовательная структура и ретранслятор культуры, чем даже старейший и более столичный Санкт-Петербургский. Так, уже в 1777 г. в последнем число студентов не превышало 10 чел., в то время как в Москве их было значительно больше. Только в гимназии при университете обучалось «50 человек дворян и толикаго число разночинцев на казенном иждивении» [16, с. 60б]. В 1785 г. число только студентов исчислялось 61, а гимназистов 553 чел.

Руководители университета не могли обеспечить всех его нужд в площадях и искали возможность для расширения, т.к. число учеников год от года «умножалось». В 1788 г. главы образовательного учреждения обратились через старших кураторов к главнокомандующему в Москве П. Д. Еропкину с просьбой передать в распоряжение университета освободившийся дом на Тверской улице, который занимала Межевая канцелярия, переехавшая в новое здание в Кремле. Власти согласились. Правда ситуация была двусмысленная. П. Д. Еропкин в письме императрице еще до просьбы о передаче здания охарактеризовал его состояние как крайне «ветхое» и «без починки» к занятию не пригодное. Состояние дома (по его мнению) было столь бесперспективно, что его и ряд других сооружений, находящихся в собственности администрации, необходимо было продать с публичного торга, т.к. «починка дороже придет, нежели чего они стоят» [14, с. 154].

Таким образом, университету передавали заведомо негодные помещения. Впрочем, данная ситуация не может быть оценена правильно без понимания положение дел, сложившихся в городе с казенными сооружениями. Власти были крайне стеснены в зданиях. В свое время они не смогли найти подходящий дом даже для вице-губернатора – главного «хозяйственника» края. Кроме того, все без исключения старые здания, имеющиеся в их распоряжении, были ветхи, а ведущиеся войны и реформы не всегда позволяли выделить даже обещанные средства на их поддержание.

Получая дом на Тверской, университет решал целый ряд весьма насущных проблем: «1-е прежней дом его занять ново учрежденными в здешней губернии присутственными местами; новой же еще не достроен за уменьшением назначенной на то суммы по нынешним военным обстоятельствам. 2-е деревянное строение его по причине умножающихся ежегодно учеников тесно, и подвержено опасности от ветхостей и пожаров, а притом, 3-е негде расположить всех принадлежащих университетских [учреждений], как то: библиотеки, кабинета натуральной истории, физических машин, анатомии, лаборатории, ботанического сада, и прочих вещей находящихся в совершенном неустройстве на носящем вред оным» [4, с. 178]. То есть, попечители университета знали о состоянии здания, но все равно были рады приобретению и находили его «удобным по близости своей с ним и по множеству покоев» [4, с. 178об].

На момент учреждения (24 января 1755 г.) Московский университет был сориентирован на светское образование [9, с. 285]. В связи с тем, что оно охватывало одновременно представителей как дворянства, так и лиц «подлых сословий» («кроме крепостных людей»), то при учебном заведении сразу же были учреждены две гимназии, предназначавшиеся для двух столь разных социальных групп [9, с. 286]. Это обстоятельство не позволило сформироваться сословно-корпоративной замкнутости Московского университета, что создавало более свободную атмосферу в заведении, и в свою очередь оказало такое же влияние на город.

Срок учебы в заведении насчитывал (на момент учреждения) 3 года, а сам университет делился на 3 факультета: Юридический, Медицинский и Философский. Поступить «в студенты» было невозможно без предварительного окончания

университетских гимназий, или других заведений, где юноши должны были «наперед научиться языкам и первым основаниям наук» [9, с. 288, 291, 289, 286].

Во главе учреждения стояли три попечителя, которых официально именовали кураторами. На рубеже 80 – 90-х гг. XVIII в. ими являлись Иван Иванович Шувалов, Михайло Матвеевич Херасков и Иван Иванович Мелиссино. На последнего ложилась основная работа по организации работы университета [18, с. 40].

В 1779 г. в Москве при университете открылся Благородный университетский пансион, помещение которого во второй четверти XIX в. Находилось на месте современного здания телеграфа на Тверской улице. Учреждение создавалось как способ предоставить дворянству наиболее удобную форму для образования и воспитания детей. Вскоре оно превратится в привилегированное учебное заведение, занимавшее в первой трети XIX в. место аналогичное элитарному Царскосельскому Лицею. Закончившие курс пансиона, юноши имели те же права на получение статских чинов и производство в офицеры, что и выпускники университета.

При учреждении университета власти города не имели точного представления, где его возможно разместить. Один из вариантов – окраина тогдашней Москвы у Красных ворот. Скорее всего, под эти цели собирались использовать здания «Запасного дворца», который одно время (о чем уже говорилось выше) планировали пустить под присутствия [13, с. 126об]. В итоге все же согласились остановиться на центре города, передав учебному заведению здание у Воскресенских ворот – бывшую Аптеку. Ныне это место занимает главное здание Государственного исторического музея.

Однако помещение оказалось недостаточным для быстро расширяющегося учебного заведения. В 1788 г. П. Д. Еропкин передал в его распоряжение бывший дом Межевой канцелярии. За год до этого в 1787 г. для тех же целей купили дворец князя П. И. Репнина, стоявшего на углу Моховой и Большой Никитской улиц, где разместили часть учреждений, поселили гимназистов и студентов, устроили аудитории и актовый зал.

В 1773 г. к дому П. Д. Репина приобрели, расположенное по соседству дворовое место. В 1785 и 1786 гг. к нему добавляется еще два соседних владения. Первый, принадлежавший княгине А. М. Волконской, двор с каменными и деревянными постройками. Второй – пространный двор генерал-поручика А. И. Бярятинского, приобретенный лично императрицей Екатериной II в дар университету. На этих участках 23 августа 1786 г. было заложено т.н. «Старое здание» Московского университета, спроектированное архитектором М. Ф. Казаковы и построенное к 1793 г. В это время университет уже давно покинул помещения у Воскресенских ворот. Последние структуры (типография и книжная лавка) оставили бывшее здание Аптеки еще в 1788 г.

Журналы и периодические печатные издания стали еще одной формой ретрансляции культуры, порожденной Московским университетом. Профессура и студенты играли заметную роль в издательской деятельности целого ряда печатных органов (в частности, газеты «Московские ведомости»), выступая как в качестве авторов, так и в роли переводчиков и помощников редакторов.

Кроме того, университетские преподаватели своими усилиями осуществляли выпуск новых изданий, появлявшихся в разное время и выходивших с разной степенью периодичности. В 1762 г. увидело свет «Собрание лучших сочинений к распространению знания» (профессор Рейхель), в 1781 г. – «Московская немецкая газета» (профессор И.Г. Шварц), в 1805 г. – журнал «Аврора» (профессор Ф. Х. Рейнгард и преподаватель Я. И. де Санглен) и «Московские ученые ведомости» (профессор И. Т. Буле), в 1807 г. – «Журнал изящных искусств» и др. Их появление являлось прямым результатом существования в Москве университета.

Первопрестольная столица являлась крупнейшим просветительским центром, источником поступления печатного слова для всей страны. Более того, в пределах

своей губернии Москва оставалась единственным городом, исполнявшим данную роль.

В городе на 18 сентября 1787 г. функционировало 4 типографии: поручика Новикова с компаниею, Христофора Клаудия, Фридриха Гиппиуса и Пономарева. Помимо них в «столичном городе» работали (причем, весьма активно) 24 книжные лавки: Университетского книгопродавца и комиссионера Ридигера, иностранцев Удгофа и Бибера, иностранца Карла Зандмарка, университетского переплетчика Никиты Водопьянова, синодальной типографии переплетчика Ивана Лебедева, поляка Давыда Андреева, московского купца Тимофея Полежаева (2 лавки), московского купца Никиты Кольчугина (3 лавки), московского купца Матвея Глазунова (2 лавки), московского купца Игнатия Ферапонтова, московского купца Тимофея Семенова, московского купца Семена Трофимова, московского купца Василья Глазунова, московского купца Ивана Переплетчикова, московского мещанина Федора Мушникова, московского мещанина Ивана Иванова, московского мещанина Петра Рышкова, московского мещанина Ивана Мушникова, Егора Алексеева, дмитровского купца Петра Толченова [14, с. 170].

Как об интенсивности работы книгопродавцев, так и об интересе к их продукции, говорит уже то обстоятельство, что во время проверки торговцев и издателей на запрещенные книги размер изъятого составил 1662 только наименований книг! Томов же было арестовано, а затем ликвидировано 131585 штук!

При этом необходимо уточнить, что ревизия состоялась в сентябре 1787 г., т.е. за полтора года до Великой французской революции, напугавшей самодержавную власть и православную страну. Если в 1790-е гг. подобное крупное изъятие книг можно объяснить преднамеренной тотальностью, вызванной недоверием ко всему пришедшему с Запада, то в 1787 г. такие запрещения носили скорее всего характер выборочного изъятия отдельных конкретных и практически всегда сомнительных наименований. Ограниченность проверки объяснялась еще и тем, что интерес ревизии вызывали преимущественно церковные книги. Остальные даже не просматривались [14, с. 169]. Иными словами, это была самая обыкновенная штатная проверка, а изъятые издания в основном имели предосудительное содержание, в чем несложно убедиться. Так, например, в ходе ревизии обнаружили неизвестные ранее властям опасные книги, запрещенные к продаже на время, пока в их отношении не будет принято решение. Запрет распространялся на совсем небольшой перечень. Всего 6 наименований: «О заблуждениях и истине»; «Апология или защищение вольных каменщиков»; «Братское увещание»; «Хризомандер аллегорическая и сатирическая повесть»; «Карманная книжка»; «Парацельса химическая псалтырь» [14, с. 174]. Общая стоимость «запечатанных» (арестованных и отправленных для проверки книг) книг составила более 100000 руб.! [14, с. 170об].

С момента начала Великой французской революции российские власти естественно ужесточили контроль за поступающими в губернию и Москву изданиями. Составленные в результате этого документы дают возможность увидеть книжный рынок страны и с точки зрения интереса к книгам со стороны и самих россиян. Главным пунктом получения литературы из-за рубежа была, естественно, Москва. Она же оставалась не только единственным городом-книжным рынком своей губернии, но и одним из немногих мест активной торговли книгами в Центральной России. Причем в массовом порядке и на постоянной основе из лавок [15, с. 123].

Москвичи и посещавшие их книжные заведения любители печатного слова являлись людьми весьма интересующимися печатным словом. В марте 1794 г. власти (по личному распоряжению Екатерины II) в массовом порядке изымали в городе французские календари, которые были напечатаны ... «с новым счислением годового времени», по-видимому, речь идет не много не мало... о революционном исчислении! Причем, что важно, книги эти присутствовали не в единичном числе и были обыкновенным предметом продажи для получения прибыли. Всегда сдержанная

императрица была настолько возмущена данным обстоятельством, что в инструкции к своему наместнику А. А. Прозоровскому с резкостью написала – «все сжечь». Однако, по-видимому, справившись с чувствами по мере составления бумаги, она в конце собственноручно вычеркнула слово «сжечь», заменив его «отобрать и запечатать». Впрочем, это не помешало ей потребовать от генерал-губернатора сообщить книготорговцам, что «впредь подобные нелепые книжки ими выпускаемые будут от них без денежно отбираемы и истребляемы» [15, с. 123].

А. А. Прозоровский, учтя свой промах в ситуации с календарями, которые он пропустил на рынок, активизировал действия в этом вопросе. Он, скорее всего, по собственной инициативе (в противном случае высочайшее распоряжение обязательно должно было сохраниться в материалах дела, но оно там отсутствует), усилил контроль над поступающей в московские книжные магазины французской литературой. По словам самого главнокомандующего «дабы прекратить продажу иностранных непозволенного и развращенного содержания книг в здешней Столице, учредил я еще в 1792-м году, чтобы книгопродавцы, коль скоро получают какие выписанные ими книги, то бы распечатав их в присутствии приставленного для того офицера, представляли губернатору подлинную фактуру, по которой неизвестные книги рассматриваются и вредные отбираются» [15, с. 128].

Однако решение главнокомандующего (при его собственном невнимании) торговцы попросту... проигнорировали. Причина этого, как выяснилось, состояла в «единой корысти» [15, с. 128]. Таким образом, данная литература пользовалась заметным спросом. Посетители книжных лавок охотно покупали и читали самые новые французские книги. Более того их распространение было абсолютно открытым. Некоторые лавки для знакомства своих посетителей с имеющимися к продаже изданиями раздавали специальные каталоги, в которых указывалась вся имевшаяся книжная продукция. Один из таких обзоров «лавки Бибера» абсолютно случайно (!) через «знакомого» попал в руки А. А. Прозоровского, который с ужасом обнаружил, что в нем присутствуют книги «об революции французской, и сочиненные во время оной» [15, с. 128].

Дабы не спугнуть распространителей «заразы» генерал-губернатор предпринял усилия, чтобы «из всех лавок получить чрез посторонние руки» их каталоги. За «цензурирование» перечней литературы, продававшейся в лавках Москвы, сановник усадил самого обер-полицмейстера и своего личного адъютанта капитана Десеньера [15, с. 128об]. Подобный выбор понятен, т.к. объясняется режимом полной секретности. По-сути это была первая спецоперация московской полиции по выявлению в городе запрещенной литературы.

Но, будучи людьми, весьма немного понимавшими в новейшем книгоиздании, военные сконцентрировались на том, чтобы обнаружить хотя бы те книги, которые официально были запрещены к распространению «санктпетербургским книгопродавцам». Но и в этом случае цензоры поневоле выявили целый ряд «запретительных книг». Это, в частности, три трагедии Вольтера «Brutus, et la mort de Cesar, et Candide». Причем, как сообщал А. А. Прозоровский императрице, если «первые две в сходственных настоящего времени правилам французским, а последняя касающаяся до России» [15, с. 128об].

Не имея точного представления о том, что еще могло быть запрещено, А. А. Прозоровский в районе 5 – 12 июня 1794 г. провел по лавкам Москвы военно-полицейский рейд и недопустимые (с его личной!! точки зрения) книги были «все в кипах оставлены запечатанные». По поводу их дальнейшей судьбы глава города ждал распоряжения лично от государыни. При этом сам он намеревался вредные книги сжечь, а разрешенные Екатериной II вернуть в лавки [15, с. 129].

Работа такая была вскоре проведена, выявив 59 наименований запрещенной литературы. Всего было изъято из лавок 935 книг, которые вскоре все были сожжены

на московской таможне [15, с. 133]. Общее число изъятых томов одного наименования колебалась от 1 до более чем 100 экземпляров.

В начале 1790-х гг. в Москве было свободное хождение большого числа литературных произведений, в том числе и западноевропейской печати. Происходило это, несмотря на цензуру и страх перед французской революцией. При этом и в 1791 г. в городе (по словам наместника) «довольно выходит новых сочинений книг». В том числе и переводимых в самой Москве иностранных авторов для печати в типографиях города. Вместе с тем, немало книг ввозилось книготорговцами-иностранцами. Управа благочиния «за множеством вседневно дел» с большим трудом могла следить за этим потоком. Его изучением занимались обер-полицмейстер и полицмейстер, которые явно не справлялись. Ситуация усугублялось еще и тем, что в московскую Управу благочиния приходило много «просильщиков»-иностранцев, которые совсем не писали по-русски.

В итоге к «цензурированию» книг привлекли университет, но его преподаватели изучали только издания собственной типографии. Наместник просил императрицу в виду большого объема работ установить сверх штата в Управу благочиния на должности цензоров двух человек (соответственно, для отечественной и иностранной литературы). А также привлечь к этой работе представителей «от духовного правления... Заиконоспасской семинарии» [15, с. 2170б].

Конец XVIII столетия являет собой важнейшую веху в деле становления и развития в Москве театра и театральной общественной жизни. Первые крупные театральные выступления, состоявшиеся в городе в начале царствования Екатерины II, были связаны с коронационными торжествами [7, с. 20]. На какое-то время они заполнили образовавшийся здесь театральный вакуум [17, с. 134]. Выступления на сцене (одновременно с балами и «маскерадами») шли в Головинском дворце в Заяузье. Правда, зрителем их мог стать далеко не каждый. «Разительное и прелестное для глаз позорище» [3, с. 210], состоявшееся в городе, было предназначено для узкого круга наиболее знатных фамилий. В результате даже благородный дворянин, но всего лишь капитан в отставке, А. Т. Болотов, с сожалением отметил в своих записках, что не имел никаких даже самых малых шансов увидеть эти действия.

Одновременно в Москве гастролировали иностранные труппы. Так, известно о работе в городе итальянцев Бельмонти и Чути, которые (как и первый признанный русский театральный деятель Ф. Г. Волков) прибыли для подготовки праздника в честь восшествия на престол новой императрицы. По окончании коронационных торжеств, иностранные антрепренеры остались в Москве. В их репертуар входили итальянские оперы, интермедии и русские пьесы. Ф. Г. Волков, стремившийся взять это дело в свои руки, внезапно умер и не мог составить конкуренцию итальянцам.

Провал попыток Ф. Г. Волкова создать в Москве национальный (в терминологии того времени «русский») театр не мог остановить сам процесс театрального строительства. И дело было уже не столько в намерении власти: к середине столетия социальная и культурная почва в старой столице была для этого вполне подготовлена. Но форма реализации по-прежнему зависела от верховной власти в лице Екатерины II. Новая императрица, как и ее предшественники, считали задачу «устроения» театра в Первопрестольной крайне важной задачей. Однако от прямого и финансового участия государства в учреждении очередной «комедийной хоромины» воздерживалась. Для этого использовался механизм предоставления «привилегии» – передачи исключительных прав на создание собственного театрального предприятия, предоставляемых конкретным антрепренерам. Обустройство здания, формирование труппы и репертуара, оставались всецело только их задачей и проблемой.

Вплоть до конца 1765 г. императрица рассматривала различные проекты учреждения в Москве собственного «русского» театра. Известно четыре таких

документальных свидетельства. Три принадлежали иностранцам, которые государыня («может быть даже демонстративно») отвергла. Один – неизвестному русскому. В связи с тем, что вскоре право на учреждение получает страстный любитель сценического искусства Н. С. Титов, можно предположить, что именно он и являлся составителем последнего «прожекта».

Полковник Н. С. Титов получил «привелегию» на проведение русских драматических спектаклей в 1766 – 1769 гг. Созданная им труппа (также как антреприза Бельмонти) давала представления в Лефортово в «Головинском» театре. Таким образом, русский антрепренер сильно потеснил итальянских на театральном рынке Москвы.

Несмотря на малую известность «предприятия» Н. С. Титова в наши дни, именно оно стало непосредственным предшественником для другого более известного театрального коллектива – труппы М. Е. Медокса, из которой впоследствии вырос действующий поныне, всемирно известный Большой театры Москвы. Именно в рамках труппы Н. С. Титова взойшла звезда актера Померанцева – будущего ярчайшего исполнителя театра М. Е. Медокса. Причем одной этой фамилией перечень известных актеров, работавших в антрепризе полковника Титова, далеко не исчерпывается [7, с. 23].

Получив сообщение о намерении Н. С. Титова взять под свой контроль «русский театр», императрица Екатерина II написала в ответном письме от 8 января 1763 г. московскому генерал-губернатору графу П. С. Салтыкову: «Я дозволяю на то употребить мой [«Головинский» в Лефортово] театр со всеми декорациями; но прежде всего прикажите осмотреть оный архитекторам, не худ ли он; ибо уже лет двадцать пять построен, и можно ли его починить... А есть ли чинить возможно, то нанимайте на моем коште Локателев театр до тех пор, покамест мой восстановлен не будет». Причем желание поддержать нарождающийся собственный национальный театр в Москве не являлось сиюминутным капризом императрицы. В другом своем письме, отправленным П. С. Салтыкову 29 марта 1766 г. (т.е. спустя три года) Екатерина II предлагает ежегодно из средств казны выделять на нужды «Российского в Москве театра» по 2000 руб. А в том случае, если итальянцы откажутся от своих прав проведения в городе концертов и маскарадов, полностью отдать право на них Н. С. Титову.

Несмотря на высочайшую поддержку, дела Н. С. Титова за несколько лет пришли в сильное расстройство. Для спасения труппы антрепренер просил принять театр в ведомство «дирекции Императорских театров». В итоге с 1 марта 1769 г. его отстранили от должности. Решение это было принято по личному распоряжению императрицы, которая, как и ранее, внимательно следила за развитием театрального дела в своей «старой» столице [7, с. 23].

Причина произошедшего с Н. С. Титовым финансового краха заключалась, скорее всего, в том, что круг любителей театра в Москве был не так уж и широк. При этом «директору» приходилось выдерживать постоянную конкуренцию с итальянскими труппами Бельмонти и Чути, что резко сужало рынок. Кроме того, Н. С. Титов обладал «привилегией» только на русские драмы, в то время как иностранные антрепренеры, сохранили свои исключительные права на постановку комедий и опер, а также устройство балов и маскарадов, что давало (особенно последние) важный дополнительный доход, необходимый для подготовки дорогостоящего спектакля. По-видимому, не выдержав борьбы за зрителя, Н. С. Титов и лишился своего дела. Зная о его трудностях, Бельмонти и Чути обратились к московскому Главнокомандующему П. С. Салтыкову с предложением передать им исключительные права их разорившегося конкурента, что и было сделано 19 марта 1769 г. [7, с. 23] сроком на пять лет. С этого момента итальянцы становятся абсолютными монополистами театрального дела в Москве [17, с. 138].

Екатерина II явно сожалела о провале театрального дела русского антрепренера Н. С. Титова, но была вынуждена согласиться на просьбу П. С. Салтыкова и итальянцев. Тем более, что за кандидатуру Бельмонти много хлопотал сам А. П. Сумароков. Отставленный в 1761 г. от управления Российского театра в Санкт-Петербурге и перебравшийся в Москву, он принимал самое активное участие в становлении здесь собственного театрального коллектива.

Неоднократные попытки императрицы устроить дело с театром в Москве указывают на ее решимость обеспечить Первопрестольную собственным театром. Так, в частности, передача итальянцам монопольных прав оговаривалась обязательным выполнением ими одного, но очень важного и затратного условия: антрепренеров обязали возвести «своим коштом» (т.е. за свой счет) новое театральное здание в Москве. Несмотря на обещания, итальянцы так и не устроили в городе постоянного театрального здания. По официальной (по-видимому, высказанной ими же версии) предоставленное место оказалось низким, заболоченным и непригодным для строительства.

В 1770 г. один из компаньонов «танцмейстер италианец Иозеф Чуди» вернулся в Италию. Во время эпидемии чумы в Москве в 1771 г. умер Бельмонти. Принадлежавшая ему «привилегия» на спектакли и театральный реквизит, отошли к малолетнему сыну Антону, за которого управляла дальняя родственница Терезия Демота. Она некоторое время руководила театром, но все же уступила свои права другим лицам, продав в январе 1773 г. половинную долю в «привилегии» губернскому прокурору князю П. В. Урусову. Причина этого состояла, скорее всего, в том, что будучи абсолютно не знакомой со сложным и постоянно грозящим разорением театральным хозяйством, женщина решила попросту от него избавиться. Тем более, что в это время Россию покинул ее муж [17, с. 138–139].

С 1776 г. театральным делом вместе с итальянцем Гротти занимался П. В. Урусов. Но в том же году иностранец полностью отошел от дел, передав своему русскому «товарищу» все права на «привилегию». Впрочем, существует и иная точка зрения. Согласно ей, Гротти, оценив, по-видимому, бесперспективность театрального дела в Москве с точки зрения личной выгоды, просто сбежал («неведомо куда отлучился»). При этом он сильно подвел своего компаньона П. В. Урусова, т.к. не выполнил возложенных на себя материальных обязательств [4, с. 184].

Бесспорной заслугой П. В. Урусова, которую отмечали многие исследователи, была искренняя любовь к театральному делу и готовность вкладывать в развитие театра в Москве не малые средства из своего кармана [5, с. 1]. Помимо личных качеств большую роль сыграло и тесное знакомство П. В. Урусова с главноначальствующим Москвы князем М. Н. Волконским [7, с. 1]. В том числе и благодаря этому обстоятельству 18 марта 1776 г. П. В. Урусов получил от правительства новую «привилегию» на содержание театра в Москве. Причем срок полномочий составлял не 5 (как ранее), а уже 10 лет. Согласно новой «привилегии» он имел право «содержать... театральные всякого рода представления, также концерты, воксалы, и маскарады, а кроме его никому никаких подобных увеселений не позволять во все назначенное привилегией время, дабы ему подрыву не было». Таким образом, в отличие от своих предшественников П. В. Урусов сразу же наделялся монополией на все формы театральной деятельности в Москве.

В качестве обязанностей новый антрепренер должен был создать сильную труппу («завести хороших актеров... а со временем, есть ли на то обстоятельство дозволит, и хороший балет»). Кроме того, (что показательно) ему предписывалось в первые же пять лет своих полномочий (т.е. обязательно) построить постоянное театральное здание. Причем сразу же в камне! Выполнить это необходимо было так, чтобы театр стал заметным сооружением города («с таким внешним убранством, чтобы город мог служить украшением»).

Все расходы по устройению театра были возложены на самого князя. Кроме того, в соответствии с указом об учреждении Воспитательного дома от 1 сентября 1763 г., в пользу этого учреждения шла ¼ часть доходов от всех платных зрелищ [10, с. 343–363]. По предварительному договору П. В. Урусова с Воспитательным домом, князь обязывался выплачивать ежегодно 3100 руб. [5, с. 1].

Вскоре П. Урусов принял к себе «в товарищи» англичанина Михаила Егоровича Медокса. Последний, имея известность человека, знакомого с организацией театрального дела в Англии, привлекался, первоначально как организатор хозяйственной стороны антрепризы, но вскоре стал главным театральным строителем Москвы.

До появления нового театрального здания представления проводились, как и при итальянцах, в арендованном доме графа Воронцова на Знаменке [7, с. 24].

Прежде чем приступить к постройке нового большого театра П. В. Урусов и М. Е. Медокс постарались соорудить временное помещение. С этой целью они обустроили место в доме графа Строгонова на Знаменке [5, с. 2]. Здесь театр функционировал до вечера 27 февраля 1780 г., когда произошла катастрофа. Во время представления трагедии «Дмитрий Самозванец» «в десятом часу по полудни... в самое то время как [шел] спектакль на театре, а в других покоях маскарад» в здании случился пожар, и оно сгорело [12, с. 146]. Убытки В. П. Урусова от пожара составили колоссальную сумму – 80000 руб. [7, с. 24] Погибли «все мебели и гардероб» [12, с. 146].

Находившийся на грани разорения русский антрепренер-меценат решил отойти от дел и 31 марта 1780 г. передал права на театр своему партнеру и англичанину М. Е. Медоксу. Он, оставшийся единственным акционером, получал не только свободу действий, но и массу новых финансовых проблем [13, с. 106].

Несмотря на серьезные трудности, М. Е. Медокс не только не оспорил требование (полученное вместе с «привилегией») о строительстве нового полноценного театрального здания в Москве, но и рьяно принялся за решение этой задачи. Для достижения данной цели он заложил все свое московское имущество, выручив на этом 50000 рублей [7, с. 24]. На полученные деньги М. Е. Медокс купил в самом начале Петровской улицы у князя Лобанова-Ростовского участок земли с большим трехэтажным домом. Владения находилось в приходе древней церкви Спаса Преображения «что на Копье».

Разработка плана и осуществление строительства было осуществлено архитектором Розбергом. Внутреннее устройство отличалось великолепием. Здание имело длину в 32, ширину в 20 и высоту в 8 сажень, вмещало 110 лож «не считая галерей» (три яруса лож, партер и галерею). Представление могло посетить одновременно около 1000 зрителей. Огромный зал освещался 42-я хрустальными люстрами со свечами. Ложи представляли собой закрытые, напоминающие отдельные комнаты помещения и сдавались только на весь сезон [5, с. 2].

Главнокомандующий Москвы князь В. М. Долгоруков-Крымский остался крайне доволен действиями М. Е. Медокса. В знак особого внимания к антрепренеру всем чинам полиции было велено «иметь к нему почтение и уважение и охранять его от всех неприятностей» [7, с. 3]. Кроме того, главнокомандующий в Москве лично выхлопотал у императрицы для М. Е. Медокса новую «привилегию» (6 марта 1781 г. [8, с. 20]) сроком еще на 10 лет до 1796 г. без дополнительных условий [5, с. 3].

Театр, построенный в начале улицы Петровки, получил несколько наименований: «Большой Московский Театр», «Театр на Петровке», «Петровский театр Медокса», «Петровский театр» и имел большой успех. Причина этого не ограничивалась актерской игрой ряда звезд и интересным, понятным публике репертуаром. Большое значение имела режиссерская и организационная работа самого М. Е. Медокса, отличавшееся особой скрупулезностью по отношению к готовящемуся к постановке материалу, а также к работе с актерами. По словам

историка русского театра Ф. А. Кони, при подготовке спектакля М. Е. Медокс всегда был неспешен по срокам и основателен по результату. Причина такого подхода заключалась в принципиально уважительном отношении антрепренера к качеству работы и к зрителю [7, с. 28].

Однако подобное отношение к делу всегда сильно ограничивало репертуар, который начитывал не более 30 пьес [7, с. 28]. А это угрожало самому существованию театра. Спектакли шли не каждый день. В год театр показывал не более 80 спектаклей [5, с. 3], что не позволяло добиться значительных прибылей и отдать долги.

В итоге удача сопутствовала М. Е. Медоксу, но спустя два года на антрепренера посыпались нешуточные проблемы, приведшие к полному разорению. Помимо до того бывших на нем обширных долговых обязательств, одной из наиболее важных причин разорения стало начавшееся в 1782 г. соперничество с попечителем Московского Воспитательного дома И. И. Бецким. Обласканный императрицей сановник решил устроить собственный публичный театр, и давать платные спектакли русской и итальянкой труппы [1, с. 70]. М. Е. Медокс разными средствами пытался доказать, что проведение театральных представлений вне стен Петровского театра является прямым нарушением данной ему привилегии. Но столкновение с любимцем императрицы не могло закончиться для англичанина ничем хорошим. Сам И. И. Бецкой в письме к главнокомандующему Москвы назвал претензии М. Е. Медокса «дерзновенными». Дело дошло до суда, который И. И. Бецкой не только выиграл, но и заставил антрепренера принять условия [20, с. 28–30], которые еще более подорвали его финансовое положение.

В 1804 г. М. Е. Медокс будет отстранен от театра. Вскоре московский театр получил статус «Императорского». Данная трансформация была связана не столько со стремлением властей поставить его под свой контроль (как традиционно считается), сколько с формой протекционирования, вызванной большими материальными сложностями обеспечения театрального дела [6, с. 14]. Кроме того, он отвечал особому статусу Москвы как «столичного» (наряду с Санкт-Петербургом) города [8, с. 290].

В 1805 г. здание на Петровке сгорело и больше не восстанавливалось. Но как структура театр сохранился. Его труппа играла спектакли на разных сценических площадках города. В первую очередь в т.н. Доме Пашкова, а позже и в новом театральном здании, выстроенном специально для нее на Арбатской площади по личному распоряжению императора Александра I [5, с. 2]. Вопрос о возобновлении Петровского театра на Петровке не поднимался [7, с. 96–97].

Подводя итоги процесса культурного строительства в Москве во второй половине XVIII в., необходимо отметить, что процесс ретрансляции культуры выступала одной из важнейших функций Первопрестольного города. Хотя данная черта является атрибутом по сути каждого городского поселения, уже по самой его природе, однако Москва занимает в данном вопросе совершенно исключительное, по сути, единственное место. Это связано с особой ролью города в истории страны, признания за ним прав духовной столицы, и стремление властей организовать в Первопрестольной комплекс культурных институтов, соответствующих ее статусу: историческому, столичному, духовному, просветительскому, рекреационному.

Наиболее заметно данная тенденция проявила себя в главном для эпохи просвещения направлении – образовании. В Москве появился и получил большой импульс для развития собственный университет – один из первых в стране. Уже один этот факт со временем оказал большое влияние на уровень состояния культуры и общественного мнения в городе. В рамках него функционировал Благородный университетский пансион, возникали различные ученые общества, издавались журналы.

Другой формой общественной жизни города являлся растущий интерес его жителей к книге. Уже в конце правления Екатерины II Москва являлась одним из

главных центров России в области книгоиздания, книготорговли, переводческой деятельности, и в целом большой любви к печатному слову. В какой-то степени эта тенденция даже противостояла политике властей в деле усиления цензуры, что стало особенно заметно после революционных событий во Франции.

В контексте развития культурной среды Москвы важное место занимал процесс создания в городе собственного театра. Продолжительный, полный трудностей, неудач и даже трагедий, он увенчался созданием т.н. Петровского театра М. Е. Медокса, прямым наследником которого является Большой театр – самый известный на сегодняшний день в мире российский театральный коллектив.

Список источников и литературы

1. Бескин Э. М. *История русского театра*. Ч. I. М.; Л: Гос. изд-во. 1928. 239 с.
2. Боже-Гарнье Ж., Шабо Ж. *Очерки по географии городов*. М.: Прогресс, 1967. 424 с.
3. Болотов А. Т. *Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков: в 3-х т. Т. 2: 1760 – 1771*. М.: Терра, 1993. 547 с.
4. Гуревич Л. Я. *История русского театрального быта. От середины XVII до начала XIX века. Изд. 2-е*. М.: Либроком, 2012. 301 с.
5. Михайловский В. А. *Историческая справка о Большом театре в связи с Императорскими Московскими театрами*. М., 1900. 457 с.
6. Погожев В. П. *Проект законоположения об Императорских театрах. Составлен по поручению Министра Императорского Двора. Т. I*. СПб. Тип. Глав.управления уделов, 1900. 544 с.
7. Погожев В. П. *Столетие организации Императорских Московских театров: (Опыт исторического обзора)*. Вып. I. Кн. 1. СПб.: Дирекция Императорских театров, 1906.
8. Погожев В. П. *Столетие организации Императорских Московских театров: (Опыт исторического обзора)*, Вып. I. Кн. 2. СПб.: Дирекция Императорских театров, 1907. 568 с.
9. *Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (ПСЗ-I)*. Т. 14: От № 10169 до 10787. СПб.: Тип. 2-го Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. [разд. паг.].
10. ПСЗ-I. Т. 16: От № 11582 до 12301. 1830. [разд. паг.].
11. *Российский государственный архив древних актов (РГАДА)*. Ф. 16. Оп. 1. Д. 568.
12. РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 568.
13. РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 574.
14. РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 578. Ч. IV.
15. РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 582. Ч. IV.
16. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 2. Д. 120.
17. Старикова Л. М. *Театр в России XVIII века: Опыт документального исследования*. М., 1997. 152 с.
18. Тимковский И. Ф. *Записки // Московский университет в воспоминаниях современников (1755-1917): сб. М.: Современник, 1989. С. 38-42.*
19. ЦГА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 1. Д. 363.
20. ЦГА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8.

References

1. Beskin E. M. *Istoriya russkogo teatra [History of the Russian theater]*. Part I. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo publ. 1928. 239 p.

2. Beaujeu-Garnier J., Chabot G. *Ocherki po geografii gorodov [Urban Geography]*. Moscow: Progress publ, 1967. 424 p.
3. Bolotov A. T. *Zhizn' i prikladyeniya Andreya Bolotova, opisannyye samim im dlya svoikh potomkov: v 3-kh t [The life and adventures of Andrei Bolotov, described by him for his descendants: in 3 volumes]*. Vol. 2: 1760 – 1771. Moscow: Terra publ, 1993. 547 p.
4. Gurevich L. Ya. *Istoriya russkogo teatral'nogo byta. Ot serediny XVII do nachala XIX veka [History of Russian theatrical life. From the middle of the 17th to the beginning of the 19th century]*. 2nd edition. Moscow: Librokom publ, 2012. 301 p.
5. Mikhaylovskiy V.A. *Istoricheskaya spravka o Bol'shom teatre v svyazi s Imperatorskimi Moskovskimi teatrami [Historical information about the Bolshoi Theater in connection with the Imperial Moscow Theaters]*. Moscow, 1900. 457 p.
6. Pogozhev V. P. *Proyekt zakonopolozheniya ob Imperatorskikh teatrakh. Sostavlenn po porucheniyu Ministra Imperatorskogo Dvora [Draft statute on the Imperial Theaters. Drawn up on behalf of the Minister of the Imperial Court]*. Vol. I. SPb. Tip. Glav.upravleniya udelov publ, 1900. 544 p.
7. Pogozhev V. P. *Stoletiye organizatsii Imperatorskikh Moskovskikh teatrov: (Opyt istoricheskogo obzora) [The Centenary of the Organization of the Imperial Moscow Theaters: (Experience of a Historical Review)]*. Issue I. Book 1. SPb.: Direktsiya Imperatorskikh teatrov publ, 1906.
8. Pogozhev V. P. *Stoletiye organizatsii Imperatorskikh Moskovskikh teatrov: (Opyt istoricheskogo obzora) [The Centenary of the Organization of the Imperial Moscow Theaters: (Experience of a Historical Review)]*. Vol. I. Book 2. SPb.: Direktsiya Imperatorskikh teatrov publ, 1907. 568 p.
9. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye pervoye (PSZ-I) [Complete collection of laws of the Russian Empire. First collection (PSZ-I)]*. Vol. 14: NoNo 10169–10787. SPb.: Tip. 2-go Otd. Sobstv. Ye. I. V. Kantselyarii publ, 1830. [pag. var.].
10. *PSZ-I*. Vol. 16: NoNo 11582–12301. 1830. [pag. var.].
11. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA) [Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA)]. Fund 16. Op. 1. D. 568.
12. RGADA. Fund 16. Inventory 1. File 568.
13. RGADA. Fund 16. Inventory 1. File 574.
14. RGADA. Fund 16. Inventory 1. File 578. Part IV.
15. RGADA. Fund 16. Inventory 1. File 582. Part IV.
16. RGADA. Fund 1355. Inventory 2. File 120.
17. Starikova L. M. *Teatr v Rossii XVIII veka: Opyt dokumental'nogo issledovaniya [Theater in Russia in the 18th century: The experience of documentary research]*. Moscow, 1997. 152 p.
18. Timkovskiy I. F. *Zapiski [Notes]. Moskovskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov (1755-1917): sb [Moscow University in the memoirs of contemporaries (1755-1917): collection of articles]*. Moscow: Sovremennik publ, 1989. Pp. 38-42.
19. TSGA g. Moskvy. Fund 16. Inventory 1. File 363.
20. TSGA g. Moskvy. Fund 16. Inventory 1. File 8.

Сведения об авторе

Белов Алексей Викторович,
кандидат исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник ФГБУН
«Институт российской истории
Российской академии наук»
(e-mail: belovavhist@mail.ru).

Information about the Author

Aleksey Viktorovich Belov,
Candidate of Historical Sciences, Associate
Professor, Senior Researcher at the Institute
of Russian History of the
Russian Academy of Sciences
(e-mail: belovavhist@mail.ru).